

УДК 821.161.1–1

**Сергей Анатольевич Комаров,
Екатерина Анатольевна Черкасова,
Тюменский государственный университет**

СТИХОТВОРНОЕ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. С. СОЛОВЬЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1890-Х ГОДОВ: КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация: В статье впервые дается системная характеристика соловьевской концепции русской поэзии, обозначаются факторы ее формирования и публичного предъявления.

Summary: A complex description of Solovyov's concept of the Russian poetry is given in the research for the first time, the factors of its formation and public presentation are also identified.

Ключевые слова и фразы: Соловьев, концепция русской поэзии, мифогенность, преображение, метатекстовый подход.

Key words and phrases: Solovyov, conception of the Russian poetry, mythogenicity, transformation, metatext approach.

Наследие В. С. Соловьева – поэта, литературного критика, философа, публициста и общественного деятеля – одно из самых важных звеньев того феномена, что именуют «русской духовной традицией» [9, с. 14-15].

Издавая еще в середине XX века (Париж, 1950 г.) «Историю русской философии», В. В. Зеньковский обозначил в ней Владимира Соловьева в качестве «поистине наиболее яркого и влиятельного философа» «периода систем» [3, с. 10]. Он настаивал, что его общие «построения» имеют «высокую ценность не только в пределах истории русской мысли, но и далеко за ее пределами», и «наибольшая ценность построений Соловьева заключается именно в их синтетическом замысле»: «Корни творчества Соловьева не только русские, но и не только западно-европейские – они всемирные» [3, с. 69]. Вместе с тем, Зеньковский подчеркивает, что «неправильно называть построения Соловьева “христианской философией” – в ней слишком сильны и нехристианские тона, в ней много от пантеизма» [3, с. 69].

За последнюю четверть века произошел коренной перелом в оценке роли и миссии Вл. Соловьева в истории отечественной культуры в целом. Ранее только крупнейшие аналитики русского зарубежья, расходясь в интерпретациях, но сходясь в значимости наследия Соловьева для судеб России, писали о нем (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, К. К. Мочульский, Н. О. Лосский, В. П. Федотов и др.). Сегодня ни одна официальная история русской философии, русской литературы, русской литературной критики, русской эстетической мысли, русской культуры не обходится без особого раздела или параграфа о фигуре и творчестве В. С. Соловьева.

Широкому читателю сегодня доступны двухтомная антология «Владимир Соловьев: pro et contra», начатое полное собрание сочинений и писем В. С. Соловьева в 20 томах (вышли 4 тома), тома его литературно-критических и стихотворных работ, есть репринтные издания прижизненных стихотворных книг (в частности 1891 года). Отдельные издания философских и иных трудов его выходят с завидной регулярностью и значительными тиражами. Правда, издание стихотворных опытов Соловьева, выпущенное в большой серии «Библиотеки поэта» в 1974 году, подготовленное и прокомментированное З. Г. Минц, до сих пор остается наиболее авторитетным среди специалистов-филологов и так называемых «узких специалистов» собственно по поэзии Соловьева единицы (З. Г. Минц, О. А. Дашевская, Д. М. Магомедова, И. Б. Роднянская).

Литературоведы до сих пор стремились, закрепляя стихотворные поиски поэта за определенным надындивидуальным системным образованием (предсимволизм, символизм, лирика «безвременья», конец века, смена художественных парадигм, серебряный век, время мутации реализма, неореализм, антинатурализм и др.), выявить в поэтическом наследии Соловьева соответствующие ему черты и признаки. И это в целом удавалось.

О Соловьеве-поэте писали и пишут известные и авторитетные специалисты (В. С. Баевский, Н. А. Богомолов, О. А. Дашевская, Е. В. Ермилова, Вяч. Вс. Иванов, Н. А. Кожевникова, Д. М. Магомедова, Д. Е. Максимов, З. Г. Минц, О. В. Мирошникова, Н. А. Рогачева, И. Б. Роднянская, Р. Д. Тименчик, А. Ханзен-Леве, Л. П. Щенникова, Е. Г. Эткинд и др.), они, чаще всего, развернуто говорят о современниках Соловьева или его последователях, так или иначе давая сжатые обобщающие, сущностные характеристики и стиховому наследию художника и мыслителя.

Важной тенденцией современной филологической практики является поиск общих оснований софийности русской словесности второй половины XIX века [7]. Косвенно он служит и поиском генезиса творчества Соловьева, ведь очевидно, что такая мощная фигура и система могла появиться в национальной культуре только на очень широком основании. Так, В. А. Недзвецкий, размышляя о становлении и жанровой эволюции русского социально-универсального романа XIX века, фазу, связанную с романами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, именует «универсально-синтетической». На его взгляд, «структурно-формальные приметы» этой фазы «были следствием, а также и средством универсализации уже самой романообразующей проблемы “личность – общество”» [6, с. 213]. Синтетичность романов, по мнению специалистов, «в “пятикнижии” Достоевского <...> оплодотворена и одухотворена особенно мощной и всевозрастающей тенденцией к мистеризации формы» [6, с. 215]. Не случаен интерес историков литературы к исследовательскому сюжету «Достоевский – Соловьев». В этом же направлении размышляет Е. А. Акелькина. Она полагает: «Именно жанровые искания русских писателей конца 1870-х годов, и особенно опыт философской прозы Достоевского, знаменует интерес к использованию экстраординарных по сгущенной условности жанров (архаических, фантастических, фольклорных, лирических, сатирико-гротескных) в качестве конденсаторов философской образности» [1, с. 325]. Очевидно, что Соловьев – одна из вершин этого процесса, но одновременно он лишь один из участников данного общего поиска.

Существенной идеей отечественной филологии последнего десятилетия является стремление осмыслить поиски Соловьева в качестве звена духовных исканий именно определенного поколения в русской культуре – поколения А. Чехова, Н. Морозова, В. Розанова, Г. Плеханова, И. Анненского и др. [4, с. 23-26, 28, 44-49, 64-65, 83-88, 165-167, 180]. В программной для русского театра чеховской «Чайке» выявлен и описан «соловьевский слой» как одна из важнейших конструктивных особенностей этой пьесы [5].

Но, как фиксируют специалисты, тот же Соловьев не только открывает дороги в XX век, намечая пути своим последователям, он не менее жестко спорит с ними, в частности с ранним русским символизмом. Так, исследователи (например, О. Б. Кушлина и Н. А. Рогачева) сходятся на том, что критические выступления Соловьева–пародиста направлены «против обмирщения духовной литературы» [8, с. 92].

Методологически инновационный подход к индивидуальной художественной системе как метатексту, активно разрабатывавшийся в предшествующие десятилетия и в последние годы широко используемый для описания различных историко-литературных явлений, и в применении к наследию В. С. Соловьева доказал свою продуктивность (работы О. А. Дашевской 1990–2000-х годов). Тем самым отечественное соловьевоведение было выведено на новый этап развития после периода 1960–1980-х годов, методологический абрис которого во многом определялся поисками З. Г. Минц и ее коллег. Именно в рамках метатекстового подхода были вычленены структурные скрепы «поэзии В. С. Соловьева как философско-художественного целого», объединяемые соловьевской концепцией всеединства: «природный мир», «философия любви и женского образа», «историософская проблематика», «концепция поэтического творчества» [2, с. 13-33].

Говоря о последней из скреп («концепция поэтического творчества»), О. А. Дашевская выявила целый ряд сущностных характеристик, определяющих сам способ Соловьева мыслить об искусстве слова: художественный акт как особый способ преобразования мира, русская литература как основной предмет рефлексии, цикличность литературно-критических опытов автора (статьи и речи о Достоевском), типологичность описания художника («пророки», «духовные вожди», «лирики»), статус поэзии в русской литературе, идея пантеона русских поэтов – «их творчество – высшее проявление национальной литературы, они представляют ее как целое» [2, с. 28-29]. Важны замечания исследователя об «исчерпанности» пантеона «несколькими именами», о том, что Соловьев «мифологизирует их творчество», «"вычитывает" у поэтов <...> близкое себе», что его статьи и стихи «становятся способом разворачивания собственных ключевых мифов», которых выделяется несколько: «миф о русской литературе», «миф о поэте», «миф об искусстве» [2, с. 29-33].

Однако, на наш взгляд, метатекстовый подход к наследию В. С. Соловьева, предложив целый веер прорывных идей и дав новое качество рефлексии его литературно-критических и поэтических произведений, именно в силу своей моделирующей специфики «сгладил» и «опустил» эволюционную составляющую личностного поиска Соловьева, динамику и «живую плоть» его погруженности в современность отечественной культуры, логику и противоречия его самосознания, виденье себя в конкретных «точках» жизненного и творческого пространства, на конкретных этапах духовного пути.

В частности, с нашей точки зрения, для адекватной рефлексии творческих поисков Соловьева в середине 1890-х годов принципиально понимание кризисности его самоощущения. Составляющие этой кризисности таковы: своя книга лирики может быть лишь дополняема, создать новый корпус стихотворных опытов не представляется возможным; предшествующее поколение эстетически и духовно близких мастеров поэтического слова физически и творчески выбывает из жизни; появляется новая волна поэтов со своим мощным идеологом (Д. С. Мережковский) и ты ревностно вступаешь с ней в схватку, потому что ощущаешь их идейную и энергетическую силу, ревизующую и вытесняющую тебя и близкий тебе опыт творчества. Соловьев начинает защищать и отстаивать ту духовную поэтическую традицию, на острие которой непроговариваемо до конца он оказывается сам. Его задача – убедить современников в мощи, длительности и эстетической продуктивности этой традиции. В исторической перспективе именно он

становится победителем в идейной схватке с Д. С. Мережковским за влияние на молодое поколение, которое обозначает себя в качестве «соловьевцев» (А. Блок, А. Белый и др.).

Метатекстовый подход в принципе как бы «снимает», не замечает остроту этой феноменологической проблематики, как бы «проскакивает» ее. Но, на наш взгляд, именно импульсами этой ситуации питаются как конкретные литературно-критические, так и поэтические текстовые решения Соловьева данного времени, а также отчасти компенсируются и уравниваются его историософские искания, в рамках которых нарастает «пессимистическая» тенденция.

Описать сложность этого процесса, объективированного в динамике и взаимодействии «форм» творчества, безусловно, помогают методологические и методические наработки отечественного литературоведения по мифопоэтике, разнообразию контекстовых поэтических форм, стратегиям авторского книготворчества, эволюции жанрового сознания и субъектного воплощения в лирике, парадигмальному и индивидуальному словоупотреблению, описанию смежных с лирикой дискурсов, то есть то, что векторно отличает и характеризует отечественную филологию последних десятилетий в сфере анализа стиховых структур различного масштаба.

К середине 1890-х годов В. С. Соловьев оказался готов к оформлению своего виденья истории и сущности русской поэзии в особую концепцию. Факторами ее формирования послужили философско-эстетические взгляды мыслителя на отношения России и Запада, на космическую миссию человека в свете идеи всеединства, на приоритетность духовной жизни в качестве преобразующего механизма природы и человека, на искусство в качестве высшей формы деятельной духовной жизни и лирики в качестве наиболее органичного инструмента выражения смысла любви.

Итоговая книга стихотворений Соловьева 1895 года явилась для автора рубежом осознания собственных усилий данной направленности и стимулом для уточнения и концентрации усилий всей русской поэзии в качестве единой преобразующей реальной силы в развитии мира и человека.

Это потребовало от него системной рефлексии всего опыта именно русской поэзии, отбора имен и текстов, способных стать ориентиром и звеньями данной преобразующей силы. Литературная критика Соловьева и становится такой лабораторией ревизии и рефлексии, в которой концептуальный образ данной силы конструируется автором. Согласно Соловьеву, эта сила уже есть в России, а опыт нарождающегося символизма он (в споре с Мережковским) видит как периферию истинной поэзии, как ценностное и эстетическое отклонение от нее.

Концепция русской поэзии, которая оформилась в результате творческих усилий В. С. Соловьева во второй половине 1890-х годов, то есть в рамках последнего пятилетия его жизненного пути, имеет целый ряд специфических черт.

Первая черта – концепция оформлялась средствами литературной критики и поэтического творчества по принципу взаимодополнительности. Вторая черта – она имела личностный, мифогенный, манифестарный, не академический характер. Третья черта – она питалась импульсами внутреннего кризиса ее автора и стала, в конечном счете, зримой и развернутой платформой преодоления кризиса и, как принято сегодня говорить, «дорожной картой» поддержания личной творческой формы и духовной перспективы для Соловьева.

Четвертая черта – она была двувекторно адресована – внутрь (к себе) и вовне, это обусловило ее процессуальную и поисковую специфику, ее рассредоточенность по значительному количеству литературно-критических и поэтических текстов, а также несобранность соловьевского цикла стихов о русской поэзии, сложность его структуры (предметная доминанта, мистериальный сюжет, наличие вершинного текста, знаковых

словообразов и трех сквозных мотивов, диалог автора с Фетом как коммуникативный стержень цикла). Пятая черта – она вместе с тем являлась результатом, продолжением и развитием философско-эстетических наработок Соловьева предшествующего двадцатилетия, то есть не противоречила его базовым философским и эстетическим идеям 1870–1880-х годов. Шестая черта – концепция структурирована автором по двум параметрам: первый – аксиологическая антитеза истинное – неистинное; второй – в пределах истинного трехшаговая группировка исторического материала по семиотическому принципу убывания, снижения качества.

Именно как поэзия формирующейся и молодой культурно-исторической общности «русские», пластичной и открытой мировому опыту, русская поэзия, согласно Соловьеву, способна идти своим, отличным от Европы путем, чувствовать и решать всемирные, универсальные задачи. С этим связана специфика соловьевского концепта «русская поэзия».

В отличие от мифа концепция русской поэзии Соловьева при наличии мифогенного качества опиралась на широкое историко-литературное знание автора и читателя, апеллировала к этому знанию, а также она имела системный понятийный аппарат («группы», «период», «формы», «задачи», «сущность», «цели», «средство», «русская поэзия», «истинная поэзия», «сила», «высшая идейная энергия», «поэтическая деятельность», «сознание», «рефлексия», «значение», «элемент», «цельность», «истина», «красота», «лирик», «пророк», «положительная мысль», «гармоническая мысль», «деятельная воля», «явление», «мир идей», «добро», «зло», «высшая норма», «перерождение жизни в поэзию», «непосредственное», «почва», «фундамент», «самобытность» и т. д.).

Данная концепция была четко хронологически ограничена автором: ее начало – постдержавинская «эпоха», начало XIX века, «Сельское кладбище» В. А. Жуковского, то есть 1802 год; ее конец – 1890-е годы, и конкретнее – жизненные пределы стихотворчества Фета (1893), Полонского (1898) и самого Соловьева (1900). В рамках этого векового временного отрезка автором концепции определяется и формируется четкая духовная «стрела развития», обладающая признаками реальной, действенной, творчески преобразующей все силы. Существенно, что эта реальная сила именно у истоков своих (Пушкин) имеет образцовый максимум. Он в дальнейшем относительно теряет свои универсальные качества, однако способен в процессе развития поворачиваться к человеку различными, иными, чем прежде, но отвечающими основным задачам мистерии преображения сторонами. Этот феномен истинности способен удивлять и по-новому зачаровывать, обнаруживая и специализируя стадильность процедуры преображения, усложняя и интенсифицируя элементы генерального (универсального), стратегически неотменяемого и незаменимого ничем процесса.

Показательно, что субъектами (носителями) этого дара оказываются поэты, родившиеся на сравнительно небольшом историческом отрезке: Пушкин (1799), Тютчев (1803), Лермонтов (1814), А. Толстой (1817), Полонский (1819), Фет (1821). Именно их и только их Соловьев рассматривает как собственных предшественников, а себя мыслит продолжателем того закона-импульса истинной силы, истинного искусства, который был ими отдан в мир для восстановления связи человека с космосом. Подчеркнем, что Соловьев-концептуалист весьма жестко избирателен в своих построениях. За пределами истинной русской поэзии, согласно Соловьеву, оказываются Державин, Карамзин, Дмитриев, Крылов, Грибоедов, Вяземский, Языков, Полежаев, Хомяков, Бенедиктов, Майков, Некрасов, Апухтин, Тургенев, Григорьев, Надсон, Случевский, Минский, Фофанов и др.

Соловьев верит, несмотря на свой историософский пессимизм «Трех разговоров», что в мире уже есть реальная, неотменяемая, материальная – по мощи, зафиксированности, системности и универсальности – сила, а именно корпус стихов истинных русских поэтов, который позволит преобразить граждан страны, а через их посредство и весь мир, потому что встреча читателя (человека) с этим корпусом стихов и есть его встреча со своей подлинной родиной, а значит, и с самим собой. Корпус стихов истинных русских поэтов (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, А. Толстой, Полонский, Фет) – такова истинная родина каждого россиянина. Она реальнее для Соловьева, чем современная ему страна. Он понимает свое поэтическое творчество как звено этого ряда, готовящее будущее России и человечества.

Уже ближайшее литературное поколение оценит философско-эстетическую программу Соловьева, его поэтическую практику (А. Блок, А. Белый) и встанет под знамена «соловьевства». Связь лирика с родиной, с «почвой», его способность оформлять в текст «общий смысл любви» и тем самым органично, естественно решать космические, духовно-религиозные задачи обусловила победу соловьевской концепции русской поэзии и в исторической перспективе его спора с Д. С. Мережковским о путях и задачах «новой поэзии». Ведь именно поэты-соловьевцы остались в России и с Россией до конца, когда пришло время испытания, и с честью прожили отведенные им для жизнестроительного подвига годы.

Литература

1. Акелькина, Е. А. Жанровый диапазон русской философской прозы 1880-х – 1890-х годов [Текст] / Е. А. Акелькина // Проблемы литературных жанров. – Томск, 2002. – Ч. 1. – С. 324-327.
2. Дашевская, О. А. Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века [Текст] / О. А. Дашевская. – Томск, 2005.
3. Зеньковский, В. В. История русской философии [Текст] / В. В. Зеньковский. – Л., 1991. – Т. 2. – Ч. 2.
4. Комаров, С. А. А. Чехов – В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX – первой трети XX века [Текст] / С. А. Комаров. – Тюмень, 2002.
5. Комаров, С. А. Соловьевский слой в комедии А. П. Чехова «Чайка» [Текст] / С. А. Комаров // Славянские духовные традиции на рубеже веков. – Тюмень, 2001. – С. 97-102.
6. Недзвецкий, В. А. Русский социально-универсальный роман XIX века. Становление и жанровая эволюция [Текст] / В. А. Недзвецкий. – М., 1997.
7. Новикова, Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст [Текст] / Е. Г. Новикова. – Томск, 1999.
8. Рогачева, Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: Проблемы поэтики [Текст] / Н. А. Рогачева. – Тюмень, 2010.
9. Хоружий, С. С. Опыты из русской духовной традиции [Текст] / С. С. Хоружий. – М., 2005.